

Н. С. Гусев (Москва)

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ ДИНАМИКА ЦЕННОСТЕЙ
И МЕТОДИКА ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ «ОБРАЗОВАНИЯ» В БОЛГАРИИ
В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ.)¹

Обращение к «ценностям» как к объекту познания имеет определенную традицию. Уже в начале XX в. оно приобрело в Европе характер модного увлечения, что привело к экспансии этого термина в смежные с философией гуманитарные науки. «Философия ценностей стала модной», — утверждал в 1922 г. французский социолог С. Бугле². Однако за прошедшее столетие эта самая «мода» и распространение термина в другие сферы привела к утрате им смыслового научного наполнения. В современном общественном пространстве данное понятие в силу его частого использования, уместного и не очень, публичными лицами и не только носит размытый характер. Используя удачную метафору историка М. А. Давыдова, можно даже сказать, что указанный термин сейчас проходит стадию семантической гиперинфляции³.

Представляется необходимым сузить описываемое явление до того значения, в котором оно может стать объектом изучения в рамках целей проекта «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире». Классик социологии М. Вебер утверждал, что ценности являют собой концентрированный тип культуры, вектор, формирующий общество: «Понятие “культура” конкретного народа и эпохи... и прочие образования в качестве

---

¹ Авторская работа выполнена по гранту РФФИ № 18-512-76003\19 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUS Call 2018 (проект #472-LED-SW).

² *Каган М. С.* Философская теория ценности. СПб., 1997. С. 18.

³ *Давыдов М. А.* Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте–Столыпина. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2016. С. 14.

понятий исторического исследования объекта суть индивидуальные ценностные понятия, т. е. образованы посредством соотношения с ценностными идеями»⁴. В рамках такого подхода «ценности» дают историкам возможность изучения канувшего в Лету общества, его культуры в широком значении этого слова, особенно при учете четкого определения, данного американским психологом и социологом М. Рокичем: «Ценность есть стойкое предпочтение личностью или обществом определенного образа поведения или конечного состояния, в противоположность другому типу поведения или состоянию»⁵.

Принимая за основу такое понимание ценностей, исследователю, казалось бы, остается лишь выяснить принятый в обществе ответ на хрестоматийный вопрос крошки сына из стихотворения В. В. Маяковского. Однако ничего нового узнать не получится — базовый набор отношения к добру и злу в принципе универсален еще с ветхозаветных времен⁶, необходимо понять то, что в рамках определенной культуры понималось под конкретными явлениями («что делает человека хорошим?», «как правильно устроена семья?» и т.д.), и насколько большую значимость имела та или иная ценность («при выборе супруга важнее решение родителей или зов сердца?»). Тут исследователя подстерегает опасный соблазн на основании узкого круга источников или даже одного факта сделать далеко идущие выводы о ценностях какого-то общества. Проблема заключается не только в том, что в тексте может восхваляться девиантное поведение, пусть даже и поощряемое, а в репрезентативности источника — насколько точно и верно в нем зафиксирована норма культуры⁷.

Вторая терминологическая сложность — заложенная в названии проекта дихотомия традиционных и нетрадиционных ценностей. Необходимость ее изучения обусловлена популярностью использования это-

---

⁴ Москвина И. К. Понятие «культурная ценность»: философско-культурологические аспекты // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 210: Петербургская культурологическая школа С.Н. Иконниковой: история и современность. С. 242.

⁵ Каган М. С. Указ. соч. С. 51.

⁶ По крайней мере, в рамках трех авраамических религий, последователи которых составляют 2/3 населения Земли и к которым относятся все славянские народы.

⁷ И не стоит упускать из виду, что аристотелевское представление, по которому государство «представляет собой не случайное собрание людей, но, как мы утверждаем, способное к самодовлеющему существованию» (*Аристотель*. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 603) ушло в прошлое, поскольку на одной территории и в одном государстве вполне могут сосуществовать несколько обществ — достаточно хотя бы вспомнить дореволюционную Россию дворян и Россию крепостных.

го словосочетания. Причем в российском общественно-политическом дискурсе традиционные ценности даже получили определение «духовных скреп», что, к сожалению, «перекочевало» на страницы научной литературы⁸. На наш взгляд, данное противопоставление возможно лишь в статике. Человечество проходило через различные стадии своего культурного развития, менялись в том числе и ценности. Ветхозаветный принцип талиона в Новом Завете явно отрицается: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую». Однако вряд ли кому-то придет в голову назвать Христа проповедником нетрадиционных ценностей. И за последние столетия не единожды можно было наблюдать изменение ценностей. Учитывая государственное вмешательство в неоднократное переформирование ценностей в России в XX в., в качестве «чистого» примера можно привести более раннюю культуру модерна. Она родилась в противопоставление Эпохе Возрождения, обращение к античности и традиции считала антиценностью, а ценностью — новаторство, эксперимент, чем, в частности, и был обусловлен «бунт» художников-передвижников.

Общество и культура не складываются как «вещь-сама-по-себе», и всегда находятся под влиянием массы факторов, среди которых немалую роль играет экономический, потому обычно в основу определений традиционного, индустриального и постиндустриального обществ кладут именно удельный вес соответствующей отрасли экономики. Тем не менее нельзя универсализировать марксистские экономический детерминизм и догму о культуре только как надстройку общества. Ощутимое влияние на смену ценностей оказывали элиты, однако ей свойственна большая резистентность к политическим пертурбациям — культура прошлого по мановению волшебной палочки не исчезала. Переход к новым технологиям и способам производства неизменно вел к трансформации структуры общества и переменам в ценностях, но не отказе от них. Как отметил американский социолог Р. Инглхарт, «преобладающие в обществе ценностные ориентации являются продуктом взаимодействия движущих сил модернизации и сдерживающего влияния традиций»⁹.

⁸ Свердлик Е. А., Тагибова А. А. Динамика ценностей российской деловой культуры в зеркале СМИ // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2016. № 2. С. 227.

⁹ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М., 2011. С. 16–17.

Подытоживая, следует еще раз подчеркнуть, что ценности имеют свою динамику. На них оказывает влияние развитие культуры, политики, экономики и даже технологий. Но и сами данные факторы испытывают воздействие сложившихся ценностей и их трансформации. Из этого следует, что нетрадиционные (новые или несколько модифицированные) ценности не имеют негативного значения, поскольку антиценности общество не станет усваивать, а ценности новой культуры будут так или иначе приняты. С учетом этого наклеивание ярлыка «духовных скреп» на традиционные ценности может иметь лишь значение отказа от развития, консервации и стагнации общества.

Ярче всего ценности становятся видны при столкновении и непосредственной встрече культур. К примеру, попытки болгарского князя Фердинанда вскоре после своего приезда к дотоле неизвестным ему подданным в 1880–1890-е гг. вести себя привычным ему образом продемонстрировали болгарскую практичность и пренебрежение условностями. Как вспоминал учивший монарха болгарскому языку Д. Ганчев, «мы, люди того времени, не могли освободиться от нашего крестьянского материализма при оценках княжеского благоволения». Только что награжденный орденом, в знаке которого не имелось драгоценных камней и металлов, выйдя на улицу, прокричал: «Господа, за одно пиво!.. Отдам его! Кто угостит?»¹⁰. Торжественность приемов, организованная потомком Бурбонов для «сыновей крестьян и ремесленников», как вспоминал тот же Ганчев, «казалась утомительной, а иногда и комичной»¹¹. Однако подобные исторические моменты — скорее исключение, чем правило, и не могут обеспечить исследователю должную источниковую базу для изучения динамики ценностей.

Как на лакмусовой бумажке проявляются основополагающие культурные нормы при противопоставлении условных традиционных и нетрадиционных ценностей, когда носители консервативных взглядов начинают артикулировать сложившиеся в обществе представления о различных сферах жизни, обвиняя кого-то в отступлении от канона. Но здесь нужно всегда учитывать, что «ревнители старины» склонны приукрашать и даже мифологизировать реальную ценностную картину мира, создавая пасторальные полотна.

¹⁰ Ганчев Д. Спомени за княжеското време. София, 1983. С. 30.

¹¹ Там же. С. 26.

В силу всего вышесказанного представляется перспективным обращение к мнению сторонних наблюдателей, оказывавшихся в изучаемом обществе, поскольку для них чужие ценности — это отклонение от собственной культурной нормы. Как отмечал отечественный филолог и культуролог Ю. М. Лотман, норма для носителя культуры «не только очевидна, но и порой незаметна». Но «иностранцу же странной и достойной описания кажется сама норма жизни, обычное “правильное” поведение»¹². Таким образом, именно носители иных ценностей оказываются зрячими в мире пустых глазниц и создают для исследователя необходимую источниковую базу.

При изучении ценностной картины южных славян наиболее плодотворным будет опора на травелоги, созданные русскими путешественниками, и воспоминания русских эмигрантов. Объясняется это рядом причин — низким языковым барьером, открытостью и привечанием русских, этнической и конфессиональной близостью, что давало возможность понять описываемые народы. И главное — отсутствием собственного европейца априорного представления о собственном превосходстве¹³. Так, в XIX в. известный славист П. А. Ровинский, находясь в Сербии, утверждал, что иностранцы «на все явления народной жизни смотрят издалека и свысока, схватывают их поверхностно и дают им толкование по своему вкусу или по своим субъективным воззрениям»¹⁴. И эти воззрения в итоге приводили к искаженной картине Балкан. Как отметила американский исследователь болгарского происхождения М. Тодорова, изучив формирование образа полуострова в глазах Запада, Балканы «служат складом негативных характеристик, в оппозиции которому выстраивается позитивная и самовосхваляемая “Европа” и “Запад”»¹⁵. В то же время, надо признать, в первой половине XIX в. русским травелогам о полуострове присущи романтизация южных славян, излишняя литературность в ущерб достоверности¹⁶. Последовав-

¹² Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 677.

¹³ Подробнее см. об этом: Гусев Н. С. Южные славяне в начале XX века: перспективы и сложности научного подхода // Славяноведение. 2019. № 1.

¹⁴ Шемякин А. Л. Сербские сочинения П.А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // Славяноведение. 2017. № 3. С. 91.

¹⁵ Тодорова М. Балканы. Балканизм. София, 2004. С. 283.

¹⁶ Об этом см.: Белов М. В. Славянская тема в путевом дневнике П. И. Кеплена: от сентиментализма к романтической этнографии // Славяноведение. 2011; Он же. «Служебное» славяноведение в России первой половине XIX века // Славяноведение. 2012. №. 4; Он же. «Славянский характер»: русские публицисты, литературные критики и путешественники первой половины XIX века в поисках народности // Диалог со временем. 2012. № 39.

шие во второй половине столетия, и особенно в начале XX в., развитие периодической печати, распространение телеграфа, свободное перемещение по Балканам и прибытие большого числа русских на постоянное жительство привели к еще большей заурядности и массовости описаний региона, что, с одной стороны, избавило от романтизма и очевидных искажений, а с другой — способствовало формированию стереотипов. Тем не менее, с учетом всех возможных преломлений действительности, именно русские тексты оказываются наиболее перспективными с точки зрения восстановления ценностной картины южного славянства. Особенно ярко это проявляется при изучении XIX — первой половины XX в., когда между Россией и Балканами существовал культурный разрыв, вызванный пребыванием общества на различных стадиях экономического и культурного развития. Однако сразу оговоримся, что найти причины динамики или складывания системы ценностей исключительно за счет взгляда извне невозможно, поскольку иностранцы фиксируют только увиденную ими за сравнительно небольшой период картину. Движущие факторы культуры все-таки следует искать в истории изучаемого общества. Продемонстрировать это можно на следующем примере, к которому мы обратимся: какой ценностью для болгар эпохи Кобургов являлось образование.

* * *

Накануне начала 2017/2018 учебного года в болгарском интернете появилась статья «А когда-то наше образование называли “болгарским чудом”». Ее авторы сокрушались, что «сегодня Болгария на последнем месте в ЕС по уровню грамотности, 40 % 16-летних учеников функционально неграмотны» и т.д. При этом приведена историческая справка о государственной политике в сфере образования, количестве существовавших школ, начиная с XIX в.¹⁷. В рамках нашей задачи нет смысла спорить с общепринятыми данными статистики, важнее другой вопрос: насколько это соответствовало чаяниям населения, и разделяли ли они восприятие образования как одной из важнейших ценностей?

Сотрудник российского МИД Н. Д. Ступин еще в 1853 г. писал в своей аналитической записке: «С каждым днем заметно возрастает проявившееся в булгарах с некоторого времени стремление к образованию и воз-

¹⁷ *Иванова К., Манолова Д.* А някога наричат образованието ни «Българското чудо» URL: <http://newme.bg/articles/nyakoga-narichat-obrazovaniето-ni-blgarskoto-chudo> (дата обращения: 9.05.2019).

рождению своей славянской народности»¹⁸. Посетившие Болгарию знаменитые слависты И. И. Срезневский и В. И. Григорович отмечали тягу местного населения к образованию и просвещению¹⁹. Последний даже написал, что способности и прилежание болгар научили его «уважать этот, так незаслуженно забытый народ»²⁰. В это время, еще до создания независимого государства, в Болгарии появились читалишта²¹ и школы, функционировавшие за счет пожертвований, начали свою деятельность и гимназии. Даже среди жестоких и властных лидеров гайдуцких чет отмечалось «какое-то особенное уважение» к образованным людям, а один из героев национально-освободительной борьбы П. Хитов советовал молодежи «как можно больше учиться»²². Удивлялись болгарской тяге к образованию и успехам в этом деле чех К. Иречек и британец Г. де Виндт²³. Пришедшие в 1877–1878 гг. русские войска поразило это. Генерал Э. И. Тотлебен писал императору Александру II о том, что «невольнo возбуждает удивление» устройство и распространение школ в «крае, какой столько лет находился под гнетом мусульман»²⁴.

Однако последнее как раз и объясняет столь особое отношение к образованию. Болгарский дипломат М. Маджаров вспоминал, что до освобождения страны «были открыты лишь два пути карьерной самореализации: учительство и торговля»²⁵. Однако и торговле нужно было

---

¹⁸ *Ступин Н. Д.* Записки // Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / Сост. М. В. Белов. СПб., 2018. С. 510.

¹⁹ *Срезневский И. И.* Путевые письма // Открытие «братьев-славян»... С. 356; *Григорович В. И.* Отчет о путешествии по Турции от 7 февраля по 20 июля 1845 года // Открытие «братьев-славян»... С. 467–468.

²⁰ *Григорович В. И.* Указ. соч. С. 474.

²¹ Читалиште (болг. *читалище*) — характерная для Болгарии форма организации центров культурной жизни, в которых совмещались функции библиотеки и досугового центра. В период до освобождения страны, как правило, финансировались за счет пожертвований местного населения.

²² *Ровинский П. А.* Болгарский хайдук Панайот и его записки // Отечественные записки. 1878. Кн. 8. С. 354.

²³ *Прешенова Р.* Училище за промяна // И настъпи време за промяна. Образование и възпитание в България. XIX–XX век. София, 2008. С. 18–19.

²⁴ *Шемякин А. Л.* Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / Отв. ред. Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин. М., 2012. С. 137.

²⁵ *Лабаври Д. О.* Евангелие и револьвер: Социальные и психологические основы болгарской национальной революции в Македонии и Фракии в конце XIX — начале XX в. СПб., 2018. С. 34.

учиться, самого Маджарова с этой целью отец отправил в Константинополь в американский Роберт-колледж. Таким образом, образование предоставляло возможность воспользоваться существующими в рамках Османской империи редкими для райи социальными лифтами. Тем не менее упомянутые Маджаров и Ступин отмечали подчиненное и даже униженное положение учителя, целиком зависящего от общины и в первую очередь — ее богатейших представителей²⁶. В то же время нельзя не упомянуть того, что прозвище и обращение «даскал» («учитель») всегда имело почетный характер. А спустя три десятилетия после освобождения страны другой русский наблюдатель отмечал особую роль сельских учителей, которые «обыкновенно становятся во главе общества»²⁷. Немалую роль в этом изменении статуса, видимо, сыграла государственная политика.

Именно образование виделось не только важнейшим инструментом развития экономики, но и способом доказательства модернизационных успехов страны, принадлежности к Европе, а не Востоку. «Миф, представлявший Болгарию как “барьер” перед османским варварством, — один из наиболее часто эксплуатировавшихся родными пропагандистами», — отметила болгарский историк Ю. Константинова²⁸. Недаром почти все партии, образовавшиеся вскоре после освобождения Болгарии, включали в свои программы действия в этой сфере, а одна из крупнейших фигур того времени П. Каравелов заметил: «У нас почти все надеются на школы, ожидают от них подъема экономического благосостояния народа»²⁹. Добавим, что первый закон, заложивший основу школьной системы, был принят уже через два года после изгнания османских властей³⁰. Государство вкладывало в образование деньги, и это давало свой результат. Спрос на образование и интерес к нему подтверждают данные статистики, поразительные в особенности на фоне

²⁶ Ступин Н. Д. Указ. соч. С. 509; Лабаури Д.О. Указ. соч. С. 34.

²⁷ Письма крестьян. Сборник второй. Пг., 1914. С. 7.

²⁸ Константинова Ю. От «по пет на нож» до «един срещу пет» — политическата пропаганда в България по време на Балканските войни // Балканите — модернизация, идентичности, идеи. Сборник в чест на проф. Надя Данова. Велико Търново, 2011. С. 702.

²⁹ Гришина Р. П. Болгария в 1878–1920 гг. // Человек на Балканах: Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. / Отв. ред. А. Л. Шемякин. М., 2016. С. 41.

³⁰ История на България Т. VIII: България 1903–1918. Културно развитие 1878–1918 / Ред. Г. Марков, Р. Попов, Ц. Тодорова. София, 1999. С. 335.

соседей. При том, что в 1907 г. население Болгарии превышало население Сербии на 47%, количество учеников гимназий и прогимназий (следующей после обязательной начальной ступени школы) было больше в 5,7 раза³¹. Косвенным свидетельством доли умеющих читать болгар является состояние полиграфической отрасли промышленности. В 1913 г. в стране насчитывалась 181 типография, при этом 4/5 из них были разбросаны по стране, и, за исключением одной пловдивской, они представляли собой мелкие предприятия, в подавляющем большинстве без механических двигателей³². Подобная дисперсность распространения типографий свидетельствует о запросе на актуальную информацию с региональной компонентой, что в свою очередь говорит о широком распространении грамотности.

Русские журналисты после 1894 г. вновь стали посещать Болгарию и не могли не заметить вектора государственной политики. «На нужды просвещения болгары не жалеют денег», — писал тогда А. В. Амфитеатров³³. А итог правительственных усилий прекрасно иллюстрируют слова донской казачки, оказавшейся в стране накануне Балканских войн 1912–1913 гг.: «Нам не раз приходилось слышать, как агрономы в своих беседах с крестьянами употребляли такие, например, слова, как “солидарность”, “идеал”, нисколько не затемняя понимания слушателей, и даже как бы подчеркивая этим их культурность». Как она же отметила, «болгары очень гордятся своей народной образованностью и всегда заявляют о том при всяком удобном случае»³⁴. Как мы видим, само население придавало большое значение этому фактору, видело в нем одну из главных ценностей культуры своего народа. В отличие, добавим, от своих соседей-сербов³⁵.

³¹ *Кайчев Н.* Македонийо, възжелана... Армията, училището и градежът на нацията в Сърбия и България (1878–1912). София, 2006. С. 58.

³² *Гринберг С.* Основные тенденции и особенности развития фабричной промышленности в Болгарии в начале XX века (1900–1912 гг.) // Советское славяноведение. 1975. № 3. С. 81.

³³ *Амфитеатров А. В.* Недавние люди. СПб., 1901. С. 109.

³⁴ Письма крестьян... С. 7.

³⁵ Интересно сравнить отношение к образованию в соседней Сербии. Там также государство вкладывало немалые деньги в эту сферу, открывало новые учебные заведения. Однако, как писал русский современник, сербские крестьяне из практических соображений старались не отправлять в школы своих детей, которые нужны «для присмотра за скотиной и для всевозможных услуг в хозяйстве». В силу того, что, как выразилась сербский историк А. Вулетич, «представления о значении просвещения у большинства крестьян были туманными»,

В 1912 г. русские корреспонденты устремились на Балканы, чтобы воочию увидеть и описать окончательное изгнание турок из Европы, причем руками народов, недавно освобожденных Россией. В результате превозносились успехи южных славян не только на поле боя, но и в сфере построения современного государства, одним из маркеров которого считалось образование. Один корреспондент в восхищении называл Болгарию «славянской Японией»³⁶, другой, безбожно завышая статистику, указывал, что среди призванных оказалось 95 % грамотных³⁷, а третий, патриарх российской военной журналистики Вас. И. Немирович-Данченко, громко заявил, отрицая военную составляющую болгарских побед: «Давид швырнул в Голиафа не камнем, а книгой»³⁸. Его, наблюдавшего освобождение страны в 1877–1878 гг., поражали прежде всего достигнутые болгарами успехи: «В тридцать лет они сами у себя создали такую школу, которая еще вчера бесправную и темную турецкую райю поставила в первый ряд просвещеннейших народов»³⁹. Эти впечатления были для Немировича-Данченко столь сильны, что спустя еще 15 лет, уже в эмиграции, именно образование он по-прежнему называл одним из главных достижений болгарских государственных деятелей⁴⁰. Балканские войны закончились для Болгарии «первой национальной катастрофой» — страна оказалась разгромленной вчерашними союзниками, цель войны — Македония — перешла в руки соседей, Южная Добруджа была отторгнута в пользу Румынии, 60 тыс. человек погибли. «А это было во всяком случае наиболее демократическое и

население не демонстрировало тяги к образованию, и среди вчерашних выпускников школ царил вторичная неграмотность. Исследуя этот вопрос, российский историк А. Л. Шемякин в конечном счете пришел к выводу, показывающему огромную разницу между сербами и болгарами рубежа XIX–XX вв.: «Итак, очевидно, для обычного сербского крестьянина просвещение не стало еще жизненной ценностью и внутренней потребностью. Несмотря на открытие новых школ, подчеркнем это еще раз» (*Шемякин А. Л. Система народного образования в независимой Сербии: принуждение или потребность // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.) / Отв. ред. Р. П. Гришина. СПб., 2007. С. 95–96.*)

³⁶ *Чириков Е. Н. Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 43.*

³⁷ *Мамонтов Н. П. С болгарскими войсками от Балкан до Чатагджи. М., 1913. С. 9.*

³⁸ *Немирович-Данченко Вас. И. Собрание сочинений. СПб., 1913. Т. XIV. С. 227.*

³⁹ Там же. С. 226.

⁴⁰ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 355. Оп. 2. Ед. хр. 87. Л. 4об.

наиболее культурное государство Балканского полуострова», — констатировал русский очевидец⁴¹. И одной из серьезнейших потерь являлось то, что среди этих 60 тысяч были не только крестьяне и ремесленники: «убиты талантливейшие и лучшие» артисты, писатели и представители интеллигенции, сокрушался Немирович-Данченко⁴². Очевидно это было и для самих болгар. Поэт К. Христов в конце войны восклицал, что София полна «молодыми и здоровыми идиотами», а отправку на фронт представителей интеллигенции назвал «самым страшным и бессмысленным расточительством незаменимых сил нации»⁴³. Тем не менее правительственная позиция мало изменилась: «Только на пути культурных приобретений, пути укрепления своего хозяйства, болгарский народ приобретет и свою военную мощь»⁴⁴.

Однако затем последовала вторая национальная катастрофа — Первая мировая война, приведшая к Владайскому восстанию, а затем — десятилетиям политической нестабильности. Общество оказалось в аномии — ситуации, предполагающей разрушение традиционной системы ценностей, поскольку выяснилось, что принятые терминальные ценности не могут быть достигнуты существующими инструментальными⁴⁵. Попросту говоря, принятыми способами искомого достичь не удалось. И затем в мемуарах русских эмигрантов, советских солдат не удастся найти упоминаний об особой гордости болгар за свою систему образования. Наблюдатели удивлялись многому — трудолюбию, патриархальности нравов, приветливости болгар, но нет данных, на основании которых можно было бы утверждать, что в межвоенные годы образование воспринималось болгарам как одна из главных ценностей их культуры. Тем самым можно предположить, что в отношении ценности «образование» уместно говорить о нисходящей динамике. В такой ситуации анахронизмом выглядит заявление болгарского министра народного просвещения Ст. Омарчевского в начале 1920-х гг., согласно

⁴¹ *Водовозов В.* На Балканах // Современник. 1913. № 8. С. 320.

⁴² *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. СПб., 1913. Т. XV. С. 27, 129.

⁴³ *Константинова Ю.* Указ. соч. С. 718.

⁴⁴ *Конева Р.* Голямата среща на българския народ. Културата и предизвикателствата на войните 1912–1918 г. София, 1995. С. 45.

⁴⁵ Данная градация ценностей, предложенная М. Рокичем, определяет терминальные ценности — как цели, к которым с общественной точки зрения стоит стремиться, а инструментальные — образ действий или способ поведения, являющиеся предпочтительными в любых ситуациях.

которому Болгария занимала 10-е место в мире по уровню грамотности и останавливаться на этом не собиралась⁴⁶. Ставка на образование не принесла результата — в силу неверно сделанного выбора в 1915 г. страна оказалась изгоем.

Здесь не может не возникнуть вопроса, насколько постулируемую властью ценность разделяло аграрное, традиционное болгарское общество и что оно вкладывало в «образование»?

Одним из способов трансфера идей и технологий являлась отправка молодых и талантливых болгар для учебы за рубеж. В 1910 г. министерство просвещения ретроспективно это объясняло тем, что молодежь могла «познакомиться с тамошними порядками, нравами и культурой», и цивилизаторскую миссию несли бы не иностранцы, в итоге занимающие господствующее положение, а соотечественники, «которые бы по возвращении насадили у нас то, что нашли за рубежом самым совершенным и что можно приспособить к нам»⁴⁷. Однако, как констатировал русский наблюдатель, немногим «действительно пошло впрок западное образование», единицы становились европейцами, а не притворялись ими, «такими-то в Болгарии хоть пруд пруди»⁴⁸. Прежде всего это проявлялось в отношении к искусству. Как писал в конце XIX в. А. В. Амфитеатров, на представлениях артистов публика не смотрит на сцену, «занимаясь своими обычными разговорами: не нужно ей это, не интересует ее это». Потому «артисту с самолюбием гастроли в Софии, должно быть, не великая радость!»⁴⁹. И в начале второго десятилетия XX в. живший в Софии В. Викторов-Топоров отмечал, что основа успеха театральных пьес — «воинствующий национализм и, в связи с этим, идеализация туманных дебрей болгарской истории»⁵⁰. Спустя еще пару десятилетий русская эмигрантка с сожалением вспоминала, что иногда в Софии устраивались выставки картин, привезенных из европейских музеев, «но болгары посещали эти выставки недостаточно активно, и потому они были редкими»⁵¹.

⁴⁶ Гришина Р. П. Указ. соч. С. 42–43.

⁴⁷ Прешленова Р. Указ. соч. С. 26.

⁴⁸ Амфитеатров А. В. Указ. соч. С. 5.

⁴⁹ Там же. С. 156–157.

⁵⁰ Викторов-Топоров В. Драма молодой Болгарии // Русская мысль. 1913. № 5. С. 3.

⁵¹ Матвеева И. В. Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний / Вступ сл. и комм. А. Н. Горяинова // Славянский альманах 2004. М., 2005. С. 521.

Но почему же при столь высоком уровне грамотности тяга к искусству была минимальной? Во-первых, интерес к этой сфере является частью городской культуры. А она в Болгарии того времени лишь формировалась (к началу периода войн 1912–1918 гг. более 80 % населения составляли жители села⁵²), и при этом в тяжелых условиях. Рост городов происходил за счет притока сельского населения, приносившего свою ценностную картину мира, свои привычки, в силу чего размывался сам облик горожанина. Масштаб этого демографического сдвига по всей стране был колоссален — по переписи 1905 г. только 69,25 % горожан родились в своем населенном пункте. В Софии — главном культурном центре — изменения носили еще более радикальный характер. За первые 30 лет после освобождения страны численность ее населения увеличилась в пять раз, после назначения города столицей в нем насчитывалось 55,6 % коренных жителей, а в 1905 г. — уже лишь 38 %⁵³. Новым горожанам еще требовалось привить вкус к искусству и такой форме досуга.

Сельское население более консервативно, что проявлялось в отношении к новым веяниям художественной культуры. На примерах икон, декоративно-прикладного искусства, ремесленных изделий были воспитаны крестьяне, и потому не принимали западную эстетику. Привить вкус к ней по собственной инициативе попыталась группа художников и писателей, организовавших Общество помощи искусству, и через различные публичные мероприятия вела пропаганду своих взглядов⁵⁴. Однако не только содержание, но и форма не соответствовали запросам публики. Помимо сказанного, сельское население несло с собой в города привычную ей практичность, и художественные произведения вызвали интерес лишь тогда, когда приносили пользу. «Насколько чужда болгарам идея чистого, неприкладного художества, без утилитарной окраски, достаточно характеризует то обстоятельство, что из русских писателей-беллетристов в Болгарии популярны только те, в чьем творчестве слышны публицистические нотки», — писал всё тот же А. В. Амфитеатров⁵⁵. Не могли обустроиться и свои писатели, многие из них ради заработка шли работать учителями в гимназии, а корифеи литера-

⁵² История на България. Т. VIII... С. 58.

⁵³ Велинова З., Начев И. София и балканската модерност. София, 2016. С. 60–63.

⁵⁴ История на България. Т. VIII... С. 453–455.

⁵⁵ Амфитеатров А. В. Указ. соч. С. 111.

туры К. Величков и И. Вазов для избавления их от угрозы нужды получили в начале века именные пожизненные государственные пенсии⁵⁶.

Важно отметить, что происходило это в условиях «кризиса пере-производства» гуманитариев — если врачи были востребованы всегда, то после решения проблемы первоначальной нехватки грамотных чиновников за счет торговцев и духовенства обучение специалистов-гуманитариев не уменьшилось, и выпускники не могли найти себе применения. А иных направлений университетского образования фактически не было — высшие учебные заведения технического или экономического профиля до конца Первой мировой войны не существовали⁵⁷. И несмотря на это, объем рынка читателей художественной литературы оставался невелик и не мог прокормить писателей⁵⁸.

В поиске приложения своих знаний молодежь увлекалась политикой — редкий русский не отметил пристрастие болгар к этой сфере жизни общества⁵⁹. Практическая польза родине воплощалась в публицистике, особенно в кризисные моменты. В судьбоносное лето 1915 г., когда Болгария делала выбор, на чьей стороне вступить в Первую мировую войну, русский журналист, находясь в Софии даже удивлялся: «Неужели болгарский массовый читатель действительно читает все, что подсовывает ему пытающиеся направлять его судьбы здешние “рыцари темного пера”»⁶⁰. На такую продукцию, а не на книги и работали упоминавшиеся выше многочисленные типографии.

Однако в этой политической борьбе виделась польза стране, и таким образом молодежь чувствовала, что выполняет свой гражданский

---

⁵⁶ История на България. Т. III: *Стателова Е., Грънчаров С.* История на нова България (1878–1944). София, 2006. С. 198.

⁵⁷ *Костов А.* Техническото и търговското образование в България до Първата световна война — дискусии, идеи, реализации // И настъпи време за промяна. Образование и възпитание в България. XIX–XX век. София, 2008. С. 60

⁵⁸ И это продолжалось довольно длительное время. Писатель Е.Н. Чириков наблюдал Болгарию во время Балканских войн в 1912 г., а в 1921 г. вернулся в страну уже в качестве эмигранта. Несмотря на все свои знакомства в высших сферах, он оказался в тяжелой финансовой ситуации, поскольку, как писал А. И. Купри-ну, в стране было «невозможно заработать литературой», и уже в 1922 г. переехал в Прагу (*Косик В. И.* Софии русский уголок. М., 2008. С. 122).

⁵⁹ Хуже дело обстояло с болгарями в Македонии — там путь в политику был равнозначен дороге в четники. В 1904 г. поэт и революционер П. Яворов написал по этому поводу: «Расплодившаяся интеллигенция, лишённая какого-либо культурного поля приложения своих сил, не могла оставаться спокойной» (*Лабяври Д. О.* Указ. соч. С. 61).

⁶⁰ *Деренталь А.* Письмо из Софии // Вестник Европы. 1915. № 8. С. 312.

долг. Упомянутый Маджаров писал о себе: «А молодой человек, только что окончивший американский колледж, воспитанный на идеях свободы и готовый нести пользу накануне освобожденной Болгарии, с трудом мог бы отдаться торговле»⁶¹, в итоге он сделал блестящую карьеру на государственной службе. Сделавшие себе имя деятели искусства также желали служить стране. Русский собеседник упрекал писателя К. Величкова в том, что он занялся политикой, отложив перо. «Но сейчас Болгарии граждане нужнее литераторов», — услышал он в ответ⁶². Когда началась Первая балканская война, то писатели и профессора подали прошение на службу в цензурное бюро. Изъявил это желание и классик болгарской литературы И. Вазов, однако назначения не получил⁶³. Тогда он принес пользу стране иным путем — циклами стихотворений во время Балканских войн и Первой мировой, в которых проявлял отнюдь не пацифистские взгляды, публичными обращениями к русскому обществу.

В 30-е гг. после установления авторитарного режима в Болгарии все изменилось. «Мы, молодая софийская интеллигенция, были больны. У нас не было никакого поля для практических действий и какой бы то ни было общественной жизни... И мы бросились со всей своей молодежной, юношеской, почти звериной энергией в чтение», — вспоминал болгарский писатель и публицист В. Свинтила⁶⁴. Тем не менее это все же была совсем небольшая часть общества, не задававшая тон в отношении к «непрактичному» искусству.

Не привила грамотность тяги к «высокому» и широким слоям населения. В 1913 г. журналист левых взглядов Ст. Вольский признавал, что «Болгария за эти 35 лет сделала громадные успехи в области культуры», но считал их поверхностными. «Хитрый болгарский селяк, который не верит никому на свете, который копит деньги с упорством французского мужика и делает состояние с неразборчивостью американского янки, остался таким же, каким он был тридцать лет назад... Практическая полезность — вот мерило, с которым болгарин привык подходить к явлениям жизни»⁶⁵. Самое яркое воплощение этого Вольский видел в отно-

⁶¹ Прешленова Р. Указ. соч. С. 22.

⁶² Амфитеатров А. В. Указ. соч. С. 153.

⁶³ Шитчанов И. Вестители на бойна слава (военните кореспонденти през Балканската война от 1912–1913 г.). София, 1983. С. 24–25.

⁶⁴ Свинтила В. Забравена София. София, 2017. С. 256.

⁶⁵ Вольский Ст. Письма с Балкан. Письмо второе // Заветы. 1913. № 2. С. 173.

шении к раненым на войне товарищам — в пренебрежении к их судьбе. Несмотря на то что русские корреспонденты многократно наблюдали жертвенное поведение раненых, отсутствие сострадания к сослуживцам они считали доказательством отсутствия культуры. Искренне любивший болгар и восхищавшийся их успехами Немирович-Данченко признавал: мало создать школу и армию, необходимо воспитать и чувство сострадания у народа, а до того «он, и грамотный, и свободный, и независимый, и победоносный, еще не достоин выйти на мировую арену одним из ее передовых действующих лиц»⁶⁶.

Пресловутая крестьянская практичность распространялась и на религию. «Не скажу, чтобы наш народ был особенно религиозен... Он — сын земли, по преимуществу, и хочет иметь все блага на земле больше, чем на небе! Наша церковь играла всегда больше роль политическую, роль национального объединителя, чем духовную... Копаться в себе мы, болгары, вообще не любим! Некогда! Дел много...», — говорил болгарский солдат русскому писателю⁶⁷. А Амфитеатров отметил, что «мистики и фантастики болгарин не хочет знать. Он материалист по натуре, с него достаточно наглядного и осязательного»⁶⁸.

В итоге болгарское образование носило сугубо утилитарный характер — учебные программы осваивались, но привычки европейской интеллигенции не усваивались. Ценность «образование» не имела привычного нам наполнения, из нее исключалось почти все, кроме грамотности — наличия «наглядных и осязательных» практических и полезных навыков и умений. Попытка болгарского общества перескочить через стадию развития и кавалерийским наскоком в короткие сроки воспитать в стране с традиционной экономикой общество с набором ценностей индустриального мира не удалась. Всеобщая грамотность не привела к формированию всеобщей образованности, требовалось время для смены поколений — важного условия динамики ценностей. Поколение «сыновей крестьян и ремесленников» должно было уступить своим детям — детям юристов, врачей и журналистов. Они свое детство, когда и происходит социализация человека, определяющая его взгляды на жизнь, провели в иной атмосфере, нежели родители, — удовлетворение их базовых потребностей в безопасности и пропитании не

⁶⁶ Немирович-Данченко Вас. И. Собрание сочинений... Т. XV. С. 229.

⁶⁷ Чириков Е. Н. Указ. соч. С. 78–79.

⁶⁸ Амфитеатров А. В. Указ. соч. С. 134.

находилось под угрозой. А лишь в таких условиях человек способен от практического обратиться свои взоры к горнему. Данный факт иллюстрирует еще одну особенность динамики ценностей — она всегда отложена во времени по отношению к социально-экономическим переменам и проявляется лишь спустя десятилетия.

В Болгарии процесс трансформации духовной сферы жизни общества стал проявляться в межвоенный период. Его в немалой степени ускорила русская эмиграция. Ее не только культурные навыки, но и потребности привели к изменению болгарского взгляда на значимость искусства. Так, небольшой шахтерский город Перник преобразился под влиянием массового наплыва на работу русских. В нем появились рестораны, театр, куда приезжали выступать артисты, имелся кинотеатр⁶⁹. Подобный образ жизни не мог не вызывать интереса у местного населения. В столице известный педагог В. П. Кузьмина организовала частную гимназию на русский манер с классическим гуманитарным уклоном — с упором на литературу, музыку, классические танцы, искусство, иностранные языки. И в 30-е гг., несмотря на высокую стоимость обучения, среди учеников русских и болгар было поровну⁷⁰ — болгарская городская элита стала воспитывать в детях новые традиции. Изменилась сама элита. «Это была София образовательного ценза, интеллигенции с двумя факультетами, огромными дипломами, часто заключенными в рамку в кабинете их владельца», — вспоминал В. Свинтила, противопоставляя время своей юности болгарской столице до Первой мировой войны, когда люди без образования могли печататься в центральных литературных журналах⁷¹. Однако, по его же словам, в 30-е гг. коренные интеллигентные софийцы составляли меньшую часть населения города, а «новая» буржуазия не принимала не то, что живопись, но и чтение книг. И, например, военными, имевшими личные библиотеки, в данной среде возмущались: «Господа, это библиотекарь или болгарский офицер?». И лишь генералу Г. Вазову отчасти прощалось увлечение чтением — все-таки родной брат великого писателя⁷².

⁶⁹ Левитов М. Корниловцы после Галлиполи // Русская Армия в изгнании / Сост. С.В. Волков. М., 2003. С. 336.

⁷⁰ Буцков Ю. Р. Русский клуб «Сокол» в Софии // Белоэмигранты в Болгарии. Воспоминания / под ред. В.В. Чумаченко и др. М., 2013. С. 108–109.

⁷¹ Свинтила В. Указ. соч. С. 221.

⁷² Там же. С. 261.

Противоречиво складывалась и судьба болгарского театрального искусства. Большая сцена в первые десятилетия после освобождения страны пребывала в зачаточном положении — труппы создавались и распадались, зданий не имелось, а пьесы ставились патриотической и остросоциальной направленности. Впервые о приоритете развития театрального искусства заявил только в 1903 г. министр просвещения И. Шишманов в докладе князю⁷³. Вскоре стали выделяться значительные субсидии, приглашаться иностранные специалисты, в 1907 г. было открыто здание Народного театра. Последовавшие войны прервали театральную жизнь (в 1913–1915 гг. Народный театр не давал представлений вообще). Новый этап развития этого вида искусства пришелся на межвоенный период, и здесь оказалось весьма весомым влияние русских эмигрантов — имена В. В. Пушкаревой и Н. О. Массалитинова вписаны золотыми буквами в историю болгарской культуры. Как отметил отечественный историк В. И. Косик, к серьезным формам театр пришел в конце 1920-х — начале 1930-х гг., поскольку прибывшие русские легким жанром пытались отвлечься от тягостных раздумий⁷⁴. Однако позволим себе не согласиться с этим объяснением — вкусы и запросы местной публики требовали упрощения. Русский поэт-эмигрант С. Серапин (Пинус) сопоставлял родную ему культуру с болгарской, «и невольно напрашивались и напрашиваются сравнения с недавним прошлым нашего родного искусства». При чем с прошлым еще допушкинской поры, но в этом трагедии он не видел — слишком короток срок существования независимой Болгарии, ее гении и расцвет еще впереди⁷⁵.

Время шло, новые привычки и вкусы становились частью городской жизни, и уже в сентябре 1946 г. болгарский глава церкви признавал, что он и священники ходят в театр, и пригласил на представление находившегося в Софии Патриарха Московского Алексия I⁷⁶. В это время в стране насчитывалось 24 театра⁷⁷ (кинотеатров — 224⁷⁸), но со-

⁷³ История на България. Т. VIII... С. 450.

⁷⁴ Косик В. И. Софии русский уголок. М., 2008. С. 156.

⁷⁵ Там же. С. 155–156.

⁷⁶ Черепанов А. В ония бурни години. Записки на заместник-председателя на Съюзната контролна комисия в България (1944–1947). София, 1981. С. 147. Примечание и ответ патриарха: «Если я, патриарх, посету театральное представление, то мои священники начнут ходить в кабаре» (Там же).

⁷⁷ Великите сили и България 1944–1947 г. Т. II: Съзната контролна комисия в България (ноември 1944 — декември 1947 г.). Документи. Първа част. София, 2018. С. 465.

⁷⁸ Там же. С. 462.

ветские сотрудники Союзной контрольной комиссии отметили скудное государственное финансирование этой отрасли, отсутствие «высококвалифицированных руководящих кадров по театральному искусству», «творческой работы в области театрального искусства», а «отражение нового в искусстве поставлено слабо»⁷⁹. Тяга к искусству сложилась, но само оно оставалось в стадии становления. Таким образом, можно констатировать, что хотя и исчезла гордость за свою систему образования, само образование болгарам стало восприниматься более широко, эта ценность приобрела новое наполнение — образованный человек должен был не только уметь читать и писать, но и проявлять интерес к искусству.

* * *

Как мы попытались продемонстрировать, предложенная трактовка ценностей и методика их изучения может приносить свои плоды, прежде всего вскрывая пласты, незаметные ни официальной статистике, ни внутренним наблюдателям. Ценность «образование» в рамках болгарской культуры переходного периода от традиции к модерну, возможно, не самый яркий, но все же показательный пример того, какую динамику могут иметь ценности — медленную и не всегда поддающуюся директивам, государственным программам. В конце XIX — начале XX в. в Болгарии образование не только постулировалось политиками как ценность, но и являлось таковым для самого населения. Данное отношение к нему возникло еще в период национального возрождения, когда, с одной стороны, через грамотность воспитывался патриотизм, а с другой — грамотность имела практический смысл: давала возможность воспользоваться каналами вертикальной мобильности. В условиях независимого государства образованию придавалось значение одного из локомотивов развития страны, вступления ее в семью современных европейских государств. Обращение к наблюдениям иностранцев позволяет утверждать, что это являлось не только догматом политики, но и частью картины мира болгарского народа. При этом данные ценностные ориентиры были именно болгарскими, поскольку ближайшие балканские соседи тогда иначе смотрели на образование. Однако две национальные катастрофы дезориентировали общество, и данная цен-

⁷⁹ Великите сили и България 1944–1947 г. Т. II: Съюзната контролна комисия в България (ноември 1944 — декември 1947 г.). Документи. Първа част. София, 2018. С. 468.

ность в глазах населения свое прежнее значение утратила. Такая динамика имеет свои аналогии и в более близком к нам времени⁸⁰.

Взгляд русских очевидцев, носителей современной городской культуры, дает возможность увидеть, что само образование при этом воспринималось местным населением именно как грамотность — набор прикладных навыков. Усилия государства по формированию интеллигенции в ее классическом понимании (с интересом не только к умению читать и писать, но вкусом и тягой к художественной культуре) не дали моментальных результатов, несмотря на учреждение соответствующих институций. Л.Д. Троицкий, в качестве журналиста посетивший Балканы в начале XX в., заметил, что странам Ближнего Востока (к коим относилась тогда и Болгария) «история дала слишком мало времени для постепенного перехода от варварства к капиталистической цивилизации... она напаяла их имущим классам на головы лоснящиеся цилиндры — прежде чем в эти головы проникли европейские понятия»⁸¹.

Однако протекали важнейшие процессы, под воздействием которых меняются ценности: в силу технического и общественного прогресса ставилась все менее острой проблема физического и экономического выживания, в силу естественных причин начиналась смена поколений. Последнее условие и определяет особенность динамики ценностей — она отложена во времени, и любые усилия по изменению ценностей не приносят моментального результата. Когда во взрослую жизнь вступило новое поколение болгар, произошла трансформация рассматриваемой нами ценности — образование стало иметь не только иное значение в жизни общества, но вдобавок изменило свой облик, формируя новую городскую культуру Болгарии. Возможно, однако, что объяснение тому — падение признаваемого всеми значения образования, которое в результате стало ценностью, присущей лишь элите, лишенной необходимости беспокоиться о выживании и потому имеющей возможность обращать внимание не только на практическую, но и художественную сторону жизни.

⁸⁰ Аналогичное изменение прослежено в рамках многолетнего социологического проекта «Всемирный обзор ценностей». После краха социалистических режимов в Европе в странах бывшего СССР и его союзников отмечено падение авторитета образования и научного знания. Авторы исследования объясняют это так: «Научное знание никуда не исчезло — оно продолжало развиваться, — и образовательный уровень населения в бывших коммунистических странах остался столь же высоким, как и раньше. Но прежнее чувство уверенности в завтрашнем дне и в способности человека определять свою жизнь резко ослабло» (*Инглхарт Р., Вельцель К.* Указ. соч. С. 65).

⁸¹ *Троицкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 158.

Nikita Gusev (Moscow)

**Retrospective dynamics of values and methods of its investigation
(the case of education in Bulgaria at the end of XIX —
first half of XX cc.)**

The article offers a working understanding of the term “values” seen as a way of action or a final state shared by the society. The laws of the dynamics of the values determine its agreement with the development of all the spheres of the society. The author suggests, as part of historical approach to the investigation of the values, to take into account the notes of the external observers of the cultures studied, in this case, speaking of the Southern Slavs, to the Russian eyewitnesses. Theoretic issues are illustrated by the analysis of the value “education” in Bulgaria from the liberation of the country in 1878 till the end of the Second World War. The dynamics of this value and the changes in its content are thoroughly traced.

Key words: values, Russia, Bulgaria, history, education, culture.

Note on the author: Nikita Gusev, Senior Researcher, Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Science. Email: gusevns@gmail.com.